

The book cover features a vibrant red top and bottom border. The central area is a light green background with a faint, sketchy illustration of a classical interior scene with columns and a seated figure. Two stylized female figures are positioned on either side of the central scene. The figure on the left has long, bright red hair, wears a blue top and a black patterned skirt, and is holding a mobile phone to her ear. The figure on the right has short black hair, wears a black patterned top and bright red pants, and is holding a black handbag. Above the title, several pink hearts of varying sizes are scattered across the top. The title itself is written in a bold, blue, stylized font.

ПИСЬМО
ЗВЁЗДНОМУ
МАЛЬЧИКУ

— Анна Антонова —

Анна Евгеньевна Антонова
Письмо звездному мальчику
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167573

Антонова А. Письмо звездному мальчику: Повесть: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-29274-5

Аннотация

«Что может быть скучнее похода в театр с классом?» – думали Лера с Юлькой и ошибались! Потому что даже оперу «Евгений Онегин» интересно слушать, если в роли Ленского – симпатичный парень Антон, похожий на Джонни Деппа. Девочки сами не заметили, как увлеклись театром и начали ходить на все спектакли, где он играет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Антонова

Письмо звездному мальчику

Глава 1

Ленский без паричка

– Нет, наверное, преподады до сих пор думают, что мы малыши какие, – в театр нас решили отконвоировать. Всем классом. И никакого там «по желанию» – сдавайте денежки, и все. И, главное, на что – оперу «Евгений Онегин»!

– По программе пригодится, – категорично отрезала классная Анна Алексеевна, которую мы за монументальность почтительно прозвали «Аннушкой» – как трамвай.

Ну по какой, скажите, пожалуйста, программе, если мы этого «Евгения Онегина» еще в прошлом году прочитали – и скажите спасибо тем, кто, как я, в оригинале, а не в кратком пересказе! – в классе разобрали и все положенные сочинения написали. А музыка у нас так и вообще уже кончилась – понятно, какая музыка в девятом классе.

– Выпускной класс, – без усталости пропесочивает нас Аннушка. – В конце учебного года вас ждет малый ЕГЭ!

Это нам, как обычно, повезло: попали в число подопытных, на которых малый ЕГЭ после девятого класса будут испытывать. Аннушка нас регулярно им пугает, но мы не запугиваемся. Тем, кто в десятый собирается, даже полезно – можно порепетировать. А двоечникам и прочим разгильдяям, планирующим нас покинуть, и подавно все равно – в ПТУ и так возьмут.

В общем, непонятно, с чего бы это нас, таких больших и страшных, решили принудительно к высокому искусству приобщить. Но делать нечего: денежки собрали, билеты купили, даже автобус заказали – вероятно, чтобы никто по дороге не сбежал.

– Занимай передние места, – тихо сказала я Юльке.

– Да ты что, – отмахнулась она. – Неужели мы Петрова с Чупраковым обгоним!

И действительно: когда мы, толкаясь и отпихивая друг друга, ввалились в автобус, то немедленно убедились – наши двоечники победно восседают на передних сиденьях.

Поймав мой взгляд, они заржали:

– А ваши места взади!

Я только вздохнула, не удостоив их ответом. Страшно представить, во что превратится опера, которую смотрят Петров и Чупраков!

Честно признаться, я и сама не могла похвастаться, что без ума от театра. Все предыдущие опыты приобщения к великому оставляли у меня ощущение неискренности и искус-

ственности – как-то все на сцене было «не по-настоящему». Особенно сильное впечатление произвел «Ревизор», на которого мы ходили с тетей. Постановщики весьма оригинально подошли к финалу, когда перед знаменитой немой сценой появляется чиновник и объявляет о приезде настоящего ревизора.

Наша литераторша, мелкая злобная девушка в очечках, в редкую минуту хорошего настроения рассказала: раньше, когда «Ревизора» показывали на гастролях, с исполнителем этой роли возникали проблемы – весьма накладно было возить целого актера ради одной фразы. Поэтому чиновника обычно играл театральный пожарник.

Так вот, в том театре, который посетили мы с тетей, похоже, не нашлось даже пожарника, потому что чиновника там играла огромная плоская фигура, намалеванная то ли на картонке, то ли на фанерке. Она опустилась откуда-то из-за кулис, заслонив собой весь задник, громовой голос из динамиков произнес роковую фразу, и актеры замерли в немой сцене. А у меня театр с тех пор ассоциировался исключительно с гигантской картонной фигурой, говорящей механическим «закадровым» голосом.

Правда, недавно мне довелось посетить с младшим братом новогодний утренник в театре, где после традиционного представления под елочкой и раздачи подарков планировался просмотр спектакля «Снежная королева». Приготовившись стойко вынести испытание – я думала, что если взрос-

лые спектакли так ужасны, то для детей и подавно никто не старается, – я была приятно удивлена. Спектакль оказался довольно милым, с песенками и без явных признаков халтуры. Но, к сожалению, прогнать из моего воображения картонного чиновника ему все равно не удалось.

Поэтому я не знала толком, чего ждать от сегодняшнего культпохода – вроде бы мы шли в крутой прославленный театр, репортажи о его премьерах регулярно мелькали в новостях. С другой стороны, я питала недоверие к опере как к жанру – отрывки, которые мы слушали на музыке, целостного впечатления не оставляли, смотреть же постановки по телику было решительно невозможно из-за непроходимой скуки.

Добрались почти без приключений: никто не орал песен Шнура, как в прошлый раз, когда мы ездили на экскурсию в Кусково, только двоечники немного покидались отнятой у Чупракова шапкой да Ленка Попова мечтательно протянула:

– Ну наконец-то я увижу Баскова вживую!

– Какой Басков, дура, – неожиданно проявил эрудицию Вадька Петров. – Он же в Большом театре играл, да и то его оттуда выгнали. А мы едем – куда? – правильно, в Станиславского и этого, как его, Немировича-Данченко, вот.

– И вовсе не выгнали, он сам ушел, – надувшись, вспомнила досе на своего кумира Попова.

Обломанная Ленка замолчала, а парни тоже угомонились

и остаток дороги тихо-мирно обменивались мелодиями и картинками по блютусу.

В театре оказалось неожиданно много наших ровесников, а также ребят помладше и постарше. Они тоже уныло слонялись по фойе целыми классами.

– Сегодня что, особенный спектакль? – громко удивилась Юлька.

– Угу, для дебилов, – уныло отозвался какой-то парень, услышавший ее слова. – Опера в кратком современном перепеве для...

– Дворецкий, мы идем в зал и организованно занимаем свои места, – окликнула его строгая тетя с пучком на затылке – прямо классическая училка из «Ералаша». – А не строим глазки девочкам из другой школы, – ехидно закончила она, заметив, что парень обменялся с Юлькой заинтересованными взглядами.

Однокласснички остряка заржали, а сам он хмыкнул и с преувеличенным вниманием принялся рассматривать лепнину на высоком потолке.

– Смирнов, а ты куда в зал с банкой? – продолжала разоряться училка. – На китайский боевик, что ли, пришел? Еще попкорна себе купи, умник!

– А где? – с готовностью огляделся Смирнов.

Но учительница не удостоила его ответом и погнала свое стадо в зал.

– Дворецкий! – хихикнула я.

– Бэрримор! – поддержала меня Юлька.

Худой светленький парень настолько не походил на чопорного персонажа Конан Дойла, что мы дружно расхохотались.

– Девочки, – тут же неприязненно посмотрела на нас билетерша со стопкой программ под мышкой. – Ведите себя прилично, вы в театре находитесь! – Хотя только что учительница кричала намного громче нас, но никто и не подумал сделать ей замечание.

Мы переглянулись и начали вести себя прилично: чинно и благородно нашли наших и не менее организованно, чем воспитанники тети с пучком, потопали в зал.

Хоть в чем-то Аннушка не промахнулась – наши места оказались по центру, в первом ряду после прохода, отделяющего переднюю часть зала. Поэтому ничто не заслоняло сцену, да и обзор зрительских мест открывался прекрасный. Юлька сразу оживленно завертела головой, и я ехидно поинтересовалась:

– Что, Дворецкого ищешь?

Она сделала вид, что не слышит, и я тоже принялась обозревать зал: то тут, то там училки рассаживали своих подопечных, крича на разные лады усталыми голосами – и никто им замечаний, заметьте, по-прежнему не делал! Попадалась на этом выездном уроке музыки и вполне нормальная,

приличная публика, опасливо поглядывавшая на буйных соседей.

Наконец свет начал медленно гаснуть. Раздались было приветственные крики, но быстро смолкли, когда на сцене перед закрытым занавесом появился дяденька в строгом костюме с микрофоном в руках. Зал озадаченно замолчал.

– Уважаемые гости! – с пафосом сказал он. – Мы знаем, что сегодня в зале присутствует много юных зрителей. Поэтому хотим напомнить правила поведения на оперном спектакле.

Мы с Юлькой недоуменно переглянулись и синхронно прыснули.

– Вы будете слушать уникальный инструмент – человеческий голос, поэтому...

Удержаться от смеха было очень сложно, как мы ни старались. Но две вполне взрослые девушки, сидевшие перед нами, тоже переглядывались и хихикали, и нам было не так стыдно.

– ...во время спектакля не вставать, по залу и фойе не бегать и, конечно, отключить звуковые сигналы мобильных телефонов и других электронных устройств...

– Ну конечно, – проворчала музыкально подкованная Юлька, – как начнут стокилограммовая тетя да лысый дядя Татьяну с Онегиным петь, так любой телефон заглушат!

Закончив свою речь, непонятный субъект убрался за кулисы, занавес наконец раскрылся, и оркестр заиграл увертю-

ру. То ли искусство проявило свою волшебную силу, то ли речь дяденьки в костюме возымела действие, но все оказалось не так страшно – никто не вставал, не бегал по залу, даже телефоны не звонили. Вопреки мрачным Юлькиным прогнозам, Татьяну играла вполне стройная и милая девушка, а Онегина – довольно молодой человек, хоть и не без залысин. Зато Ленский поразил нас черной кудрявой шевелюрой, практически полностью занавешивающей лицо.

После очередной сцены занавес закрылся, и в зале зажегся приглушенный свет. Кто-то из наших парней вскочил было, но, увидев, что все продолжают чинно сидеть, остался на месте.

– Юльк, это что? – шепотом спросила я.

– Декорации меняют перед следующей картиной, – пояснила она. Пару лет назад моя подруга окончила музыкальную школу и в теме разбиралась.

– Какой такой картиной?

– В опере действие делится на картины, – терпеливо пояснила Юлька. – Меняется место действия, поэтому и декорации другие.

Во второй картине первого действия нам показывали спальню Татьяны, которая, скоропалительно влюбившись в Онегина – а еще что-то говорят о скромности девушек девятнадцатого века! – страдает по нему.

– Ничего себе! – шепотом удивилась Юлька. – Как это она поет, лежа на кровати?

– А что такого?

– При таком положении тела звук образуется иначе... – принялась было объяснять она, но сзади шикнули, и нам пришлось отложить обсуждение новаторских методик оперного пения до антракта.

Когда Татьяна замолчала, в зале раздались аплодисменты.

– Что это они? – удивилась я.

– Так положено, – терпеливо пояснила Юлька. – После известной арии.

– А это известная ария?

– Татьяны? – шепотом возмутилась она. – Конечно!

Я замолчала, обидевшись на подругу за то, что она разбирается в операх лучше меня.

– Интересно, у Ленского это парик? – задумалась Юлька в антракте.

– Да похоже на то.

– Уродский какой-то!

– Ну а как же «всегда восторженная речь и кудри черные до плеч»? – довольная, что хоть оригинал знаю лучше подружки, процитировала я. – Все строго по тексту.

– Нет, ну нельзя же так буквально... Пойду программку куплю.

– Зачем тебе?

– У меня традиция, – непонятно объяснила Юлька и побежала к билетерше, на ходу вытаскивая из сумки кошелек.

Арию Ленского «Что день грядущий мне готовит» я знала,

поэтому похлопала вместе со всеми, уловив откуда-то сбоку шепот Ленки Поповой:

– А у Баскова круче получается!

После вальса на балу в начале третьего действия зрители опять зааплодировали, я на всякий случай уточнила:

– А это известная музыка? – и, получив утвердительный кивок, тоже захлопала.

– Вот бы на Ленского без паричка посмотреть, – задумалась Юлька, когда мы вышли на улицу.

– Сдался он тебе, – фыркнула я, и тут рядом с нами нарисовался «Бэрримор».

– Э... Можно тебя на минуточку? – поколебавшись, спросил он у Юльки.

– У меня от подруги секретов нет, – гордо провозгласила она.

– Ну ладно, – пожал плечами он. – Можно телефон? – и, не заметив энтузиазма, уточнил: – Аську? Имэйл?

– Я на улице не знакомлюсь, – неожиданно отрезала подруга.

– Так мы же в театре... – растерянно пробормотал парень, но тут подъехал наш автобус, и Юлька потащила меня прочь.

– Ты что это... – начала было я, но она перебила:

– И слышать ничего не хочу.

Глава 2

Большая Интернет–деревня

На следующий день мы встретились по дороге в школу, и Юлька, забыв поздороваться, сразу затараторила:

– Я вчера посмотрела в Интернете, он, оказывается, не только в Станиславского и Немировича-Данченко работает, а еще и в другом театре...

– Подожди... – растерялась я. – Кто он?

– Ну он, – с досадой отозвалась она. – Ленский. Антон то есть.

– Какой Антон? Ленского вроде Владимиром звали...

– Ну при чем тут Ленский! Я про актера говорю, его зовут Антон Теркин.

– Как-как? – живо заинтересовалась я. – Ну, Юль, везет тебе на парней с интересными фамилиями: один Теркин, другой Дворецкий...

– Вот повезло так повезло! Впрочем, прислуга меня не интересуется, а про Теркина я слушаю что накопила...

– Здорово, чувихи! – вдруг послышалось сзади.

Я уже успела мысленно вернуться во вчерашний вечер и даже не сразу сообразила, что обращаются к нам.

– Алгебру сделали? – поравнялся с нами Чупраков.

– А тебе-то что? – неприязненно покосилась на него Юль-

ка.

– Хочу ответ проверить! – заржал тот и, бросив нам под ноги пластиковую бутылку из-под колы, пошел вперед.

– Кретин! – в сердцах высказалась Юлька. – С мысли сбил! О чем это я?..

– Без двух минут восемь! – перебила я, взглянув на часы. Без лишних слов мы максимально ускорились и еле успели влететь в класс до звонка.

Я видела, что Юлька собралась было написать мне записку. Но первым уроком у нас, как назло, стояла пресловутая алгебра, и математичка Наталья Евгеньевна по прозвищу Зоркий Глаз моментально эту попытку пресекла:

– Лесникова, не занимайся на уроке посторонними делами!

В конце урока Наталья по своей милой привычке устроила самостоятельную, которую мы дописывали почти всю перемену. А следующим уроком была геометрия, которую тоже вела Зоркий Глаз, и я поняла, что знакомство с личностью Антона Теркина откладывается на неопределенный срок.

Перед историей мы повторяли заданный на дом параграф, на следующей перемене обедали, так что свободная минутка выдалась только между двумя литературами. В последнее время у нас полюбили устраивать сдвоенные уроки – наверное, директриса решила, что знания лучше улягутся под действием собственного веса.

– У театра свой сайт есть... – начала Юлька, и тут мимо

нас со свистом пролетела тряпка, которой вытирали с доски. За ней, как за кометой, тянулся пыльный меловой хвост.

Петров в прыжке поймал тряпку возле самого пола и с воплем:

– Мочи! – отправил в обратный полет Чупракову.

– Да блин! – вскочила Юлька, но я вовремя сориентировалась:

– За штору!

В ненадежном укрытии – штора защищала только от прямого попадания мелового снаряда – обрелись почти все наши девчонки.

– Мы вчера с мамой в торговом центре были, – рассказывала Светка Андрианова. – И такую сумку мне купили!

– Ой, покажи! – чуть не запрыгала от нетерпения маленькая кругленькая Наташка Венцова.

– Да она у меня дома, – небрежно повела плечом Андрианова. – Буду я с ней в школу ходить!

– Ну а расскажи хоть, какая! – не унималась Наташка.

– Ну, в общем, она такая лаковая, блестящая, с ремешками разными разноцветными...

Мы с Юлькой переглянулись и синхронно вздохнули. Продолжать разговор про сайт мы, конечно, не могли, и подружка, потеряв терпение, сказала:

– Ладно, после уроков идем ко мне, и все сама увидишь.

Но только мы спустились со школьного крыльца, как услышали:

– Приветик!

Обернувшись, мы не без удивления – и это еще мягко сказано! – узрели Дворецкого собственной персоной.

– От старых штиблетик, – мрачно отозвалась Юлька. – Ты что, следил за нами?

– Вот еще, – пожал плечами «Бэрримор». – Я у водителя автобуса спросил, из какой вы школы.

– Оригинально! – оценила она сообразительность «прислуги» и подозрительно взглянула на парня: – А может, ты маньяк?

– Угу, театральный, – с готовностью подтвердил тот. – Так как насчет телефончика?

– Аськи, имэйла, – передразнила Юлька.

– Не откажусь, – пожал плечами парень.

Подруга остановилась, склонила голову к плечу и смерила его оценивающим взглядом:

– Как там тебя? Камердинер? Швейцар? Нет, кажется, Ма-жордом...

– Дворецкий, – ни капли не смутился парень. – Но можно просто Антон.

Юлька стушевалась и беспомощно посмотрела на меня. Я развела руками:

– Это судьба!

– Ладно, Антон, – наконец снизошла она. – У тебя дневник в Интернете есть?

– Ну есть, – слегка удивился тот.

– Под своей фамилией?

– Да, – совсем сбился с мысли парень.

– Тогда я тебя найду, – подытожила Юлька и, гордо отвернувшись, зашагала прочь. Я поспешила следом.

– Нет, ну а на этот раз что... – начала было я, но она так выразительно посмотрела на меня, что я умолкла на полуслове.

Юлькина бабушка накормила нас обедом и только после этого отпустила к компьютеру.

– А то знаю я вас, – ворчливо сказала она. – Уткнетесь в экран, и больше ничего не нужно.

– Да лан те, ба, – бросила Юлька между торопливыми глотками чая.

Видимо, ей не терпелось продемонстрировать, что она там раскопала про Антона Теркина.

– Ну, значит, смотри, – торжественно проговорила подруга, когда мы наконец оказались за компом.

И открыла фотку симпатичного коротко стриженного парня, чем-то похожего на Джонни Деппа.

– Это еще кто?

Юлька расплылась в хитрой улыбке:

– Совсем не узнаешь?

Я вгляделась в лицо на фото и неуверенно предположила:

– Джонни Депп?

– Сама ты!.. – обиделась она, но тут же хихикнула: – А

теперь мысленно примерь Джонни Деппу черный кудрявый паричок.

Я взгляделась в лицо парня и...

– Нет, – потрясенно выдохнула я. – Не может...

– Вот-вот, – довольно кивнула она. – Теперь понимаешь, о чем я?

– Даа... – Я подперла щеку ладонью и с грустью уставилась на экран. – Что грим-то с людьми делает...

– Но классный, правда? – протянула Юлька.

– Не знаю... – с сомнением отозвалась я. – Что-то в роли Ленского он на меня большого впечатления не произвел.

– Так то Ленский, – передразнила меня подружка. – Классика. Где тут разыграешься-то?

– А где он еще разыгрывается? – заинтересовалась я.

– Сейчас откроем список спектаклей. О, смотри! – Юлька чуть не проткнула пальцем монитор. – Оказывается, он вообще в другом театре работает, а в опере так, подхалтуривает...

Я собралась высказаться на тему оригинального комментария подружки к работе Теркина в опере, но тут она снова завопила:

– О, смотри! Мюзикл «Королева Марго»! Ла Моль! Класс! Когда там следующий спектакль?

Мне передалось ее волнение:

– Что? Где? Какая «Королева Марго»?

– Ну мюзикл, говорю же! Французский, наши по лицензии

поставили.

– Да я не об этом, – отмахнулась я. – Какой может быть мюзикл по «Королеве Марго», там же все плохо?

– Ну, во-первых, не все, – подумав, рассудила Юлька. – Во-вторых, не сразу. Начиналось-то все очень даже хорошо.

– Ага, – подхватила я. – Зато закончилось очень даже плохо. Представляешь мюзикл с отрубанием голов и предварительными пытками?

– Да ну и что, – пожалала плечами черствая Юлька. – Есть же мюзиклы «Нотр Дам де Пари» и «Ромео и Джульетта». Они, скажешь, хорошо кончаются?

– Вообще да... – призадумалась я.

– Кстати, тоже французские, – вспомнила она.

– Да они там просто какие-то маньяки!

– Ну какие книжки, такие и мюзиклы, – пожалала плечами моя циничная подружка.

– Нет, ну что же, во всей французской литературе никаких веселых книжек нет? – возмутилась я.

– А какие?

Я вспомнила фильмы по великим произведениям французской литературы:

– Ну это... «Мадам Бовари»... «Милый друг»...

– Ужас, как весело, – кивнула Юлька. – Кстати, мне тут совершенно случайно пришло в голову, что «Ромео и Джульетта» совсем не французская книжка.

– Мда, – согласилась я с этим бесспорным фактом. – Сво-

их мало, так они из всей мировой литературы самое «веселое» подобрали!

– Короче! – надоело философствовать подруге. – Мы идем или нет?

– Ну идем, конечно, – вздохнула я. – Куда ж мы денемся. Кстати! – вспомнила я. – Кажется, ты собиралась познакомиться во Всемирной паутине еще с одной загадочной личностью.

– Какой еще личностью? – попыталась разыграть непонимание Юлька, но я уже отодвинула ее и сама зашла на сайт Интернет-дневников, где жили наши собственные блоги.

– А может, у него на другом сайте, – продолжала вредничать подружка.

– Не найдем здесь, поищем на других, – невозмутимо заметила я. – Не так их много. Сама виновата – дала бы телефон, сейчас не мучились бы.

Юлька открыла было рот, но я перебила:

– Так, забиваем в строку поиска «Антон Дворецкий», вряд ли их много... Ну вот, пожалуйста! – Я щелкнула по ссылке, а на экран вылезла серьезная и хмурая физиономия нашего нового знакомого.

– Ну и... лицо, – проговорила Юлька после секундной заминки. – Что ж Антоша не улыбнулся-то посетителям?

– Тебе не угодить, – упрекнула я. – Веселый – не нравится, грустный – тоже...

– Да он мне никакой не нравится, – хмыкнула Юлька, про-

должая коситься на экран.

– Нравится – не нравится, обещала, так пиши. – Я отодвинулась, уступая подруге место за компом.

– Я обещала его найти, – заартачилась она. – А вовсе не написать. Вот, нашла, значит, моя совесть чиста...

– Во-первых, нашла его я. Во-вторых, не увиливай. Как сказала Ленка Попова...

– Кого ты цитируешь! – скептически перебила меня Юлька.

– Да, представь себе, ей случилось высказать умную мысль. Так вот, как сказала Ленка Попова, Интернет превращает мир в большую деревню. Так что пиши, тебя это ни к чему не обязывает. Ты даже свое мыло не засвечиваешь.

– А вдруг он хакер? – уже довольно вяло возразила она.

– Пиши давай.

Вздыхая и морщась, Юлька подъехала к клавиатуре, вошла на сайт под своим ником, открыла страничку нового знакомого и недовольно уставилась на экран:

– Ну и где писать?

– А какой там последний пост?

Я снова взяла инициативу в свои руки: отняла у нее мышку и щелкнула по заголовку «Культпоход».

«Посетили с классом оперу „Евгений Онегин“. Давно так не развлекался...»

Далее следовал подробный и весьма ироничный рассказ о вчерашнем мероприятии. По мере чтения мы с Юлькой хи-

хикали сначала вразнобой, потом синхронно, а потом почти не переставая.

– Да, – протянула она, вытерев выступившие от смеха слезы. – Приколист, конечно, еще тот.

– А какие комментарии? – заинтересовалась я и тут же разочарованно протянула: – Надо же, ни одного...

– Может, не успели еще, – предположила Юлька.

Но, быстренько пролистав предыдущие записи, мы убедились, что комментарии в блоге отсутствуют. То есть абсолютно.

– Мда, – откинулась на спинку Юлька. – Весьма популярная личность!

– А что ты хотела, – не согласилась я, – если парень пишет о театре и даже не на албанском... Короче, тебе предоставится великая честь первопроходца.

– Ладно, – сдалась она.

Открыв комментарии, Юлька отстучала: «Прикольно», поставила смайлик и с видом выполненного долга закрыла окно.

– И все? – возмутилась я.

– Хватит с него на первый раз, – отрезала она.

Глава 3

Младший герцог

На «Королеву Марго» мы собрались в ближайшие выходные. Сначала искали билеты в городских кассах, потом посетили сам театр, где шел шедевр – все было бесполезно, и там, и там билеты наблюдались только самые дорогие, в партер. А выкладывать за спектакль несколько тысяч ни я, ни Юлька, само собой, не собирались.

– Вы перед началом попробуйте, – пожалела нас кассирша в театре. – Иногда появляются.

– Девушки, билеты на «Королеву Марго» не интересуют? – скороговоркой поинтересовалась улыбчивая бабуся, отиравшаяся у парадного входа. – Недорого.

– Ну сколько? – небрежно поинтересовалась Юлька, приосанившаяся после того, как ее называли «девушкой».

Бабуся озвучила такую цифру, что мы убежали от нее, не оглядываясь.

– Что делается, – пожаловалась Юлька, когда мы остановились возле лавочки в сквере у памятника неизвестному деятелю искусств. – Мне мама рассказывала, они так на «Юнону и Авось» в свое время ходили.

– Как?

– У перекупщиков билеты брали.

– Ну мы-то не будем брать билеты у перекупщиков, – возразила я. – Придем перед началом...

– Ага, можно подумать, одни мы такие умные, – продолжала вставшая в уныние Юлька.

– Вот придем и увидим, одни или нет, – подытожила я.

– Ты что это такая ненарядная? – Я скептически оглядела Юльку, собравшуюся в театр в джинсах и свитере.

– А зачем наряжаться, если у нас даже билетов нет? – пессимистично заметила она.

Возле кассы, против ожиданий, вовсе не толпился народ – публика чинно-благородно заходила внутрь. Подлетев к окошку, мы узрели табличку с расценками и мрачно переглянулись: самые дешевые билеты стоили тысячу.

– Однако дорог нынче Антоша! – попыталась пошутить я, но подруга меня не поддержала:

– Не хочу за тысячу сидеть на балконе второго яруса!

– Ну так не пойдем, что ли?

Мы уныло толклись возле кассы, когда к ее окошечку подлетело взъерошенное существо и, не глядя ни на какие таблички, спросило:

– Почему самые дешевые билеты?

– Триста, – ответила кассирша.

Я не успела ничего понять, а Юлька уже метнулась к кассе и, когда девчонка отошла, торопливо проговорила:

– И нам два самых дешевых, пожалуйста!

Влетев в фойе, мы переглянулись и одновременно рассмеялись. От унылого настроения подружки не осталось и следа.

– Ого, «Гардероб партера», – прочитала она вывеску.

– В смысле – только для белых? – съехидничала я.

– А, неважно, пошли, – потянула она.

– Но у нас же балкон второго яруса...

– И что, ты правда собираешься там сидеть?

– А где же мы будем сидеть? – удивилась я.

– В партере, конечно, – уверенно сказала Юлька и потащила меня к элитному гардеробу, на ходу снимая куртку.

Раздевшись, она направилась к билетерше и купила программку.

– Надо же, повезло нам, – сказала подружка, раскрыв буклетик. – Сегодня Теркин играет.

– А в чем повезло-то? – не поняла я. – Ты ж еще дома посмотрела, что он Ла Моль.

– Да в том, что тут два состава, – терпеливо, как дурочке, объяснила она. – Их обычно на сайте вешают. Мы с тобой проверить не догадались, но сегодня все равно играет тот, кто нам нужен, из чего я и делаю вывод о нашем исключительном везении.

– Ну и ладно, – надулась я. – Повезло и повезло. Лучше скажи, где мы будем сидеть, если не на балконе второго яруса.

– Придем в партер после третьего звонка и сядем на свободные места, – легкомысленно заявила она.

– Ну конечно, – хмыкнула я. – Так их нам и приготовили!

– Всегда места остаются, – отмахнулась Юлька.

Публика прогуливалась по фойе самая разнообразная: и шикарная, и обычная вроде нас. Попадались девчонки с цветами, они перешептывались и хихикали.

– Фанатки, – со знанием дела кивнула Юлька. – Наши конкурентки.

– А мы разве фанатки? – удивилась я.

– Конкурентки на наши места в партере, – пояснила она.

Я вздохнула:

– Не думала, что ходить в театр так сложно.

Юлькин аттракцион с занятием мест в партере прошел на удивление гладко: свободные и правда нашлись, даже соревноваться с фанатками не пришлось. Правда, в разных концах зала – усадив меня, она отправилась через проход в левую часть партера. Несколько неприятных минут до начала спектакля – и вот наконец гаснет свет, можно вздохнуть спокойно: никто уже не придет, не прогонит с несправедно занятого кресла.

Заиграл оркестр – я уже знала, что это увертюра. А потом на сцене появился он... И я с огорчением поняла, что нам все-таки не повезло – играет другой актер, а в Юлькиной программке, видимо, ошибка. И думала так ровно до того момента, пока он не запел... До этого никакая сила не смогла бы убедить меня, что Ленского и Ла Моля играет один и

тот же актер. Но, как я читала, голос труднее всего изменить.

Я уже видела кучу фильмов, снятых по «Королеве Марго»: от откровенно попсового отечественного телесериала до страшного и мрачного французского фильма, скачанного Юлькой из Сети и с большими предосторожностями просмотренного нами тайком от взрослых. И ни там, ни там мне не понравился мой любимый персонаж: в нашем сериале он был невнятным блондином, а во французском ужастике – мужественным мачо. И вот наконец я увидела его: настоящего Ла Моля...

Занавес закрылся, и народ потянулся из зала, почему-то обсуждая совсем не спектакль, а какие-то свои дела. А я все сидела на месте, не в силах избавиться от наваждения.

– Лер! – позвала меня Юлька, и только тогда я очнулась и выползла следом за ней в фойе.

Я ждала и боялась простого человеческого вопроса «Ну как тебе?», но подружка его так и не задала. Она увлеченно листала программку, бормоча:

– Ну как же его?..

Не успела я удивиться и сострить на тему незабываемой фамилии «Теркин», как она радостно воскликнула:

– А, вот! Коконас – Михаил Горин.

– Какой Коконас? Какой Горин? – с досадой повторила я, злясь, что не успеваю за полетом ее мысли.

– Классный! – протянула она и смерила меня скептическим взглядом: – Понятно, что тебе не понравился. Он силь-

ный и злой. А ты ведь любишь, чтобы можно было жалеть...

– Погоди, Юлька, – я помотала головой. – Мы вообще-то на Теркина смотреть пришли, не забыла? И у тебя вовсе не было идеи его жалеть.

– Ну да, ничего твой Теркин, конечно, – пожала плечами она, а я удивилась, когда это он успел стать моим. – Но Коконас...

Я вдруг вспомнила, как, читая книжку еще до просмотра всяческих экранизаций, искренне полагала, что ударение в имени этого персонажа надо ставить на средний слог. В итоге друг благородного Ла Моля превращался у меня в маловразумительного Коконаса. История была смешная, но рассказывать ее Юльке почему-то не захотелось, вместо этого я повторила:

– Сильный и злой? Ну и ладно, а вот мне больше нравится слабый и добрый!

Такая характеристика любимого персонажа была явной натяжкой: Ла Моль в исполнении Теркина выглядел утонченным и романтичным, но никак не слабым. В то время как роль его друга Коконаса досталась высоченному широкоплечему парню с копной темных кудрявых волос – сразу было понятно, что своих. Но тут раздался третий звонок, и доказать я ничего не успела – мы поспешили вернуться в зал.

С каким-то болезненным любопытством я ждала пыток и казней – интересно, как им удастся передать это в мюзикле. Наверняка просто споют грустную песенку и закроют занавес.

вес. Типа – догадайся сам, кто знает, тот поймет... Я недооценила авторов либретто! Мучили главных героев вполне естественно, и песни при этом пели вовсе не они, а палач. Сцена казни тоже была показана настолько реалистично, что в решающий момент я даже зажмурилась.

На поклоне наш друг Теркин выглядел довольным донельзя. Еще бы – собрать столько цветов и пакетиков с подарками!

Я скользнула взглядом по вышедшим на поклон актерам и зацепилась за хмурое лицо, маячившее возле самых кулис. Это был младший брат короля, герцог... как же его... в общем, довольно жалкий и ничтожный персонаж. Но главным сейчас было вовсе не имя, а лицо: один уголок рта у него уехал вверх, и с такой кривой ухмылкой брат короля смотрел в зал с откровенным пренебрежением.

Я дернула за рукав подошедшую ко мне подругу:

– Юльк, смотри!

Она перевела взгляд в указанном направлении и скептически протянула:

– Даа...

– Как его зовут, не помнишь?

– Этого младшего герцога? – задумалась Юлька. – Не, не помню. Сейчас выйдем и в программке посмотрим.

Мы не стали торопиться в гардероб и остановились в фойе. Юлька развернула программку:

– Так, герцог Алансонский. Алексей Шмаров.

– Хватит прикалываться, – поморщилась я.

– Кто прикалывается? – возмутилась она. – Сама посмотри!

Она сунула мне под нос программку, я взгляделась в ровные строчки и неуверенно хихикнула. Она кивнула:

– Жалко, что не Антон. Но тоже с прекрасной звучной фамилией. И еще один непризнанный гений.

– Почему еще один? – зацепилась я. – А первый кто?

– Да никто, – отмахнулась она, и я не стала настаивать, поняв, что скорее всего в виду имеется непризнанный интернет-гений Антоша Дворецкий, а вовсе не местная звезда Антон Теркин.

Мы подошли к гардеробу, когда очередь уже почти рассосалась. Не спеша оделись и вышли из театра в теплый влажный весенний вечер.

– Где же все эти фанатки были, когда он Ленского играл? – вслух задумалась я.

– Может, они не знают?

– Да конечно!

– Даже если и знают – наверняка сходили один раз в ознакомительных целях, и все. Вот мы с тобой – неужели пойдем еще раз на оперу?

– Да ни за что на свете! – пылко воскликнула я. И тут же задумалась: – Хотя там поют живьем...

– А здесь под фонограмму, что ли? – удивилась Юлька.

Я смутилась, но пояснила:

– Просто звук шел не со сцены, а откуда-то сбоку, из колонок...

– Ох, Лера, ну ты и темнота, – вздохнула она. – Конечно, звук через колонки идет. Потому что они поют с радиомикрофонами! Не заметила такие маленькие микрофончики на одежде?

– Ну заметила, – совсем смутилась я. – Только подумала, что это так, для отвода глаз... – И без перехода подумала вслух: – Но если дарить ему цветы, это надо делать явно не здесь.

Юлька удивленно посмотрела на меня:

– Ты собралась дарить Теркину цветы?

– Шучу, – поспешила откреститься я. – Лучше подарим Шмарову. То-то он удивится!

– Чему это он удивится?

– Ну как... Болтается он в этом спектакле на какой-то роли пятнадцатого плана, даже на поклоне чуть ли не за кулисами стоит. Девицы с вениками к исполнителям главных ролей в очередь выстраиваются, а он на все это любуется и ухмыляется ехидно, типа: а нам и не надо, мы и не хотели, мы так просто постоять пришли. И тут к нему подходит девчонка с роскошным букетом...

– Даа, вот у него физиономия будет! – хихикнула Юлька. – Вижу, он тебе сразу понравился. Ну да, тебя же тянет ко всяким несчастным типам, которых хочется пожалеть...

Я не успела ничего возразить, потому что она, оглядевшись, потащила меня к уличной афишной тумбе:

– Когда там следующий спектакль?

– Мы что, пойдем на следующий спектакль? – вяло возмутилась я.

Юлька остановилась и удивленно посмотрела на меня:

– Ну если ты не хочешь...

– Только на следующей неделе! – перебила я, дальнозорко всмотревшись в репертуар.

Глава 4

Роман в блогах

Время до следующего спектакля мы провели с пользой: раскопали об Антоне Теркине и Михаиле Горине практически все, что было в Интернете. Впрочем, копать особенно глубоко не пришлось – информация дублировалась от сайта к сайту практически в неизменном виде. Так что, кроме скудных биографических сведений – родился, учился, работал, – ничем особенным разжиться не удалось. Фанатские же форумы, которые тоже имелись в изобилии, читать – не говоря уже о том, чтобы там писать! – было решительно невозможно.

– Ну вот же дуры-то! – ругалась Юлька, вчитываясь в очередные сопливые писки и визги о том, какие Антошечка и Мишенька клевые.

Отдельной строкой шли воспоминания и впечатления о том, как Антошечку или Мишеньку удалось подстеречь возле служебного входа, кто что при этом сказал и сделал.

– Юлька, – потрясенно проговорила я. – И что, мы скоро такими же станем? Будем бегать к служебному входу, и вообще...

– Не волнуйся, – утешила она. – Цели у нас исключительно высокодуховные, поэтому будем созерцать прекрасное на

почтительном отдалении. Кстати, о прекрасном, – оживилась она. – Посмотрим-ка, что нам поведаёт Всемирная сеть о великом актере всех времен.

– Вроде посмотрели уже? – удивилась я, но Юлька не ответила, энергично забивая в строку поисковика «Алексей Шмаров».

Всемирная сеть оказалась на редкость мало осведомлена о личной и творческой жизни великого актера всех времен: собственно, кроме скудной информации о том, что он окончил Музыкальное училище имени Гнесиных, участвует в мюзикле «Королева Марго» и еще каком-то детском спектакле, нам ничего накопать не удалось.

– Не понимаю, – я пожала плечами. – Вроде симпатичный, поет хорошо...

– Может, он сам не хочет.

– Чего?

– Ну, славы всей этой, девочек с цветами и тому подобного.

– Что же он тогда за актер? – удивилась я.

– Ну вот такой актер, – развела руками Юлька. – Высокодуховный. Созерцает зрителей на почтительном отдалении.

– Кстати, – оживилась я, снова придвигаясь к монитору. – А давай-ка теперь просозерцаем на непочтительном приближении маловысокодуховное.

– Какое еще маловысоко... тьфу, не выговоришь, – с подозрением взглянула на меня подруга.

– Дневник нашего земного знакомого Антона Дворецкого.

– О, ты уже безошибочно выговариваешь его фамилию, – ехидно заметила Юлька. – И интересуешься его дневником... Антон произвел неизгладимое впечатление?

– Антон, только другой, – невозмутимо кивнула я.

– Который из? – ехидно уточнила она.

– Неважно, – отмахнулась я. – Сейчас стараюсь исключительно для любимой подруги.

– Очень надо было, – фыркнула Юлька.

– Ну, наверное, надо, раз он все-таки Антоном стал, а не каким-нибудь там Камердинером, – заметила я.

Но она уже уставилась на открытую мной страницу дневника Дворецкого, где наблюдались новые комментарии к ее лаконичной записи. Они были оставлены хозяином блога и озаглавлены «Прекрасной незнакомке».

– Нет, ну какой все-таки... – с нарочитым неудовольствием проговорила Юлька, косясь на экран.

– Может, это еще не про тебя, – утешила я.

Я ошиблась – запись была про нее. С иронией, но не обидной, а забавной, Дворецкий живописал подробности нашей первой встречи в театре.

– И что дальше? – выразительно нахмурилась подруга. – Не буду больше отвечать. Тоже мне, роман в письмах! Пусть с кем-нибудь другим в Евгения Онегина играет!

– А придется, – развела руками я. И хихикнула: – Роман в блогах!

– Кстати, давай посмотрим, кто такой герцог Алансонский, – словно не слыша меня, снова уставилась в монитор Юлька. – О, вот какой-то сайт с династиями французских королей! Так, кто он там у нас... Франсуа герцог Алансонский, младший брат короля Карла IX.

Мы пробежали глазами коротенькую статью и переглянулись.

– Ну ничего себе: «рос красивым ребенком, но был изуродован следами от оспы»!

– А как тебе «из-за искривленного позвоночника выглядел худым и болезненным»? – подхватила я.

– Тут-то все как раз в тему, – хмыкнула Юлька.

Я хотела было возмутиться, но она снова повернулась к экрану:

– Ладно, почитаем, что про остальных пишут.

Другие персонажи не разочаровали – мы с удовлетворением убедились, что Дюма почти не погрешил против истории. Только Ла Молю, оказывается, на момент знакомства с Марго было сорок четыре, а ей двадцать.

– Ничего себе персонажик у Теркина! – ехидно прокомментировала Юлька.

– У Дюма, – поправила я. – И правильно сделал, молодец. Ну сама посуди – какой интерес, если возлюбленный королевы был бы таким стариканом?

– И правда, – согласилась она. – Нам действительно не было бы никакого интереса!

– Представляешь, – вдруг задумалась я. – Для нас это сказки какие-то, а ведь люди так и жили.

– Ну и что? – не поняла Юлька.

– Все эти заговоры, отравленные перчатки и тому подобное – это было в реальности, представляешь?

– Это было в реальности у знати, – возразила она. – А все остальные жили в трущобах и бедствовали. Так что не завидуй.

Вот уж чего-чего, а зависти у меня точно не было. Но объяснить это Юльке почему-то не захотелось.

И мы сходили на следующий спектакль. Потом еще на один. Потом еще...

После нескольких культпоходов мы стали замечать знакомые лица в зале: нам регулярно попадались на глаза одни и те же девчонки, а также затесавшийся в их компанию странноватый парень. Они тоже начали коситься на нас с явными признаками узнавания, но мы завязывать дружбу со штатными фанатами не спешили. А им, наверное, и без нас было неплохо.

Особенно обращала на себя внимание девица с длинными кудрявыми волосами, все время сидевшая в первом ряду в первом кресле от центрального прохода, изредка уступая свое козырное место странноватому парню.

– Дети кого-то из театральных работников? – предположила Юлька.

– Что, все? – усомнилась я.

– Ну или дети...эээ... еще кого-нибудь...

– Ага, – подхватила я. – Поголовно театральные фанаты.

Которым бронируют центральные места в первом ряду.

Кудрявая на каждый спектакль приносила букеты, но разобраться в ее симпатиях было сложновато. Цветы вручались хаотично, без всякой логики – то Горину, то Теркину, а то вообще Стелле Ладис – так экзотично звали исполнительницу роли Маргариты. У которой, кстати, тоже имелся штатный поклонник.

Этот высокий симпатичный парень с романтической шевелюрой до плеч не общался ни с кем из фанатов, просто приходил на каждый спектакль с огромным букетом роз – всегда разного цвета. Стелла принимала их с очаровательной улыбкой.

Еще наблюдалась довольно страшенькая девица, постоянно отиравшаяся возле сцены и дарившая Теркину огромные букеты: то гвоздик, то лилий, то роз. Однажды она даже вручила ему вместе с цветами какой-то сверток.

– Что она ему подарила? – заволновалась Юлька.

– Я не видела, – отозвалась я. – Пакетик какой-то или корбочку.

– Вот до чего глупые девицы докатились, – посетовала она.

– Да ладно, зато хотя бы все понятно – фанатка Теркина, – возразила я. – А вот что касается кудрявой...

– Кто же ей-то нравится? – задумалась Юлька. – Вроде Горину она чаще дарит....

– Да не чаще, чем остальным.

– И что она все к ним лезет? – никак не успокаивалась она. – Знакомая, что ли?

– Да какая разница, Юль. Мы-то к ним лезть не собираемся. И цветов дарить тоже.

– Да уж, – энергично кивнула она. – Никаких цветов. Не заслужили.

Но кудрявая, видимо, придерживалась противоположного мнения, продолжая таскать букеты, причем не какие-нибудь заваливающие кустовые хризантемы или гвоздики, которыми изредка одаривали Ла Моля с Коконасом другие девчонки, а розы или лилии. Актеры брали ее цветы с дежурными вежливыми улыбками, и наблюдать за этим очень скоро стало не очень интересно.

Однажды мы не спеша вышли из театра и в честь хорошей погоды решили не нырять сразу в метро, а пройтись по улице до следующей станции. Когда мы вывернули из-за угла театра, мимо пронеслось смутно знакомое существо в куртке с низко надвинутым на глаза капюшоном. Я притормозила и оглянулась.

– Юль, – спросила я ничего не заметившую подругу, – это Теркин был?

– Что? – запоздало завертела головой она. – Где?

– Парень сейчас к метро пробежал, вроде похож.

– Да нет, – с сомнением протянула она. – Не может быть. Мы только вышли, а он, значит, уже успел костюм снять и грим смыть?

– Мы еще в очереди в гардероб стояли, – напомнила я.

– Все равно! – не верила Юлька.

С тех пор мы взяли за правило ходить до следующей станции метро пешком. Оказалось, я была права – нам периодически попадался навстречу кто-нибудь из актеров, на которых мы старались не таращиться слишком уж пристально. Как им удается так быстро покидать театр после спектакля, оставалось для нас загадкой.

Стоял март, но было уже совсем тепло. Мы пошли от метро до дома пешком, хотя автобусы, по закону подлости, обгоняли нас один за другим – а когда надо, ни за что не дождешься!

– Эх, хорошо, тепло! – Юлька подняла голову и блаженно зажмурилась.

– А что хорошего-то, – проворчала я.

– Ну... весна! Ты не любишь весну?

– Неа.

– Да ты что? – искренне изумилась она. – Первый раз встречаю человека, который весну не любит!

– А как же Пушкин? – с пафосом осведомилась я. – «Весны я не люблю – весной я болен»...

– Так то Пушкин.

– А я с солнцем русской поэзии согласна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.